

# Особенности транзита власти в Кыргызстане и Грузии в условиях формирующихся политических институтов

## Features of the Transit of Power in Kyrgyzstan and Georgia in the Context of Emerging Political Institutions

DOI: 10.12737/2587-6295-2020-14-23

УДК 321

Получено: 15.09.2020

Одобрено: 25.09.2020

Опубликовано: 25.09.2020

### Притчин С.А.

канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова  
e-mail: pritchin.stanislav@yandex.ru

### Pritchich S.A.

Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow Center for post-Soviet Studies IMEMO RAS named by E.M. Primakov  
e-mail: pritchich.stanislav@yandex.ru

### Аннотация

Кыргызстан и Грузия – два государства постсоветского пространства, политические процессы в которых проходят по нетипичным для региона сценариям. В обоих государствах за время независимости с 1991 г. смена и транзит власти происходили чаще, чем у соседей и по отличным от них сценариям. Обе республики являются признанными лидерами в регионе по либерализации и демократизации, обе де-юре являются парламентскими республиками, Киргизия при этом является единственной активной парламентской республикой в субрегионе Центральной Азии. При этом особенностью транзита власти в республиках является факт, что власть каждый раз переходила в руки либо оппозиции, либо скрыто или явно к конфликтующей с властью контрэлитой. В статье проводится сравнительный анализ исторических, идеологических, географических особенностей формирования социально-политических моделей обществ стран, которые могли бы выступать причинами феномена кардинальной сменяемости власти при любом сценарии транзита.

**Ключевые слова:** политические институты, революция, транзит власти, легитимация, преемничество власти, Грузия, Киргизия, постсоветское пространство, династическая модель.

### Abstract

Kyrgyzstan and Georgia are two states of the post-Soviet space where political processes take place in atypical scenarios for the region. In both countries, since independence in 1991, the change and transit of power has occurred more often than in their neighbors, and under different scenarios. Both republics are recognized as leaders in the post-Soviet region for liberalization and democratization, both are *de-jure* parliamentary republics, while Kyrgyzstan is the only parliamentary republic in Central Asia. At the same time, the peculiarity of the transit of power in the republics is the fact that after the change of power each time passed into the hands of either the opposition, or covertly or clearly conflicting with the government counter-elite. The article provides a comparative analysis of the historical, ideological, and geographical features of

the formation of socio-political models of societies in countries that could be the causes of the phenomenon of cardinal change of power in any transit scenario.

**Keywords:** political institutions, transit of power, legitimization, succession of power, Georgia, Kyrgyzstan, post-Soviet space, dynastic model.

### Введение

Революционная смена власти с сопутствующей ей кардинальной кадровой перестройкой властной вертикали – достаточно распространённый сценарий политического транзита для стран постсоветского пространства. Это объясняется дефицитом опыта государственности, слабостью или отсутствием политических институтов, неимением устоявшихся юридических и политических практик сменяемости власти, низким уровнем политической культуры [1].

В бывших республиках СССР революционный сценарий был реализован на Украине в 2004 и 2014 г., в Армении в 2018 г., в Грузии в 1992 и 2003 г., Киргизии в 2005 и в 2010 г. При этом мы не учитываем ряд переворотов, состоявшихся сразу после распада СССР, когда на волне обретения независимости в 90-х годах прошлого века внутриполитическое противостояние в таких странах, как Грузия и Азербайджан протекало столь бурно и стремительно, что смена руководства происходила порою с периодичностью в несколько месяцев.

Объектом нашего сравнительного исследования станет сопоставление причин, предпосылок и особенностей смены власти в Киргизии и Грузии. В обеих республиках в современной истории независимости были реализованы самые разные сценарии транзита власти. Помимо отмеченных уже революционных сценариев происходили демократическая смена правящей группы через парламентские выборы в Грузии в 2012 г. или преемнический транзит в Киргизии в 2017 г. Особенностью реализации любого из обозначенных типов транзита власти в этих двух странах является переход власти от правящей группы к группе, которая находится к ней в явной или скрытой оппозиции, с последующей системной кадровой перестройкой властного и управленческого аппарата. Другими словами, для выбранных стран каждый транзит власти в независимости от его типа был сопряжен с революционной сменой кадрового состава правящего класса [1].

Одной из возможных причин данного феномена могут быть характеристики, обусловленные географическим детерминизмом, а именно схожестью географических условий, а также особенностями социальной и этнической структуры обществ, что свойственно Киргизии и Грузии. Данный феномен мы будем рассматривать в качестве теоретической гипотезы для объяснения особенностей транзита власти в странах. Сложный горный ландшафт, который исторически способствовал дисперсному формированию общества, состоящего из разделенных, во многом замкнутых малых обществ, в конечном итоге оказал серьезное влияние на структуру политической элиты. Такая социально-политическая разделенность и раздробленность подразумевает, что политическая власть без быстрой потери легитимности [21; 22] и поддержки в элите не может быть сосредоточена в руках одного руководителя или монолитной правящей группы, состоящей из представителей только одного клана. Как следствие, оба государства вынуждены были выстраивать более плюралистическую модель политического класса с вовлечением представителей разных групп общества, что позволило им политически выглядеть более демократичными и либеральными по сравнению с соседними странами. Вместе с тем, указанные особенности политической культуры привнесли серьезный уровень нестабильности для политических систем Киргизии и Грузии [14].

Устойчивость любой властной конфигурации в данных условиях оказалась заметно снижена по сравнению с соседями. Для любого главы государства в этих республиках важно уметь выстраивать сложные коалиционные структуры с вовлечением в нее представителей разных региональных политических групп, чтобы за счет балансирующей

властной модели поддерживать стабильность политической конструкции и обеспечивать ее легитимность в обществе. Любое нарушение баланса представительства, концентрация власти в руках самого руководителя или региональной группы, представленной в политическом руководстве, ведет к росту конфликтности как в обществе, так и в политическом классе, снижению легитимности и, как следствие, к риску серьезной политической дестабилизации вплоть до насильственной смены власти.

В нашей статье мы оценим справедливость приведенной гипотезы причин особенностей транзита власти в Киргизии и Грузии.

### **Методология**

В качестве методологической основы исследования использовался системный, сравнительный анализ прецедентов реализации сценариев транзита власти на постсоветском пространстве на примере Грузии и Киргизии, которые приводили к полной смене руководства страны путем потери правящей группой власти. Проводился анализ базовых особенностей политической культуры, социальной структуры обществ с целью выявления причин для реализации именно революционного сценария, как наиболее присущего для двух стран. В качестве теоретической основы объяснения выбора именно такого механизма транзита рассматривается концепция политической легитимности, так как именно низкий уровень легитимности является ключевой предпосылкой к низкому доверию к власти со стороны общества и политических элит, и их готовности к радикальному смещению находящейся у власти правящей группы в пользу оппозиционных или контрэлитных политических групп.

### **Развитие политических процессов в Грузии после получения независимости: неуправляемая смена элит**

В территориальном аспекте границы современной Грузии окончательно были закреплены в процессе нахождения в составе СССР [5]. До этого момента шел долгий процесс формирования Грузии как единого государства, так как на разных исторических этапах отдельные части Грузии входили в зону ответственности Византии, Персии, и только с началом вхождения в состав Российской империи в 1783 г., отдельные княжества стали объединяться с территориальным и политическим ядром Картли-Кахетинского княжества [7; 9]. При этом, несмотря на разделенность грузинского общества как целого в историческом и географическом измерении, к моменту получения независимости в 1991 г. республика имела очень прочную ценностную объединяющую систему [11]. Идеологическая основа грузинской государственности оказалась заложена в период существования Грузинской Демократической Республики в 1918–1921 гг. Тогда был создан так называемый «Национальный проект», являющийся по сути государствообразующим документом, формирующим основные принципы существования грузинской нации и ее единства. Триада грузинского национализма включила в себя три важнейших элемента: родина, религия и язык. В многочисленных исследованиях, посвященных изучению грузинского национализма, отмечается, что данные идеологические принципы и в настоящие дни являются базой для объединения государства и общества и признаются всеми политическими силами в качестве универсальных для Грузии ценностей [12; 16].

Начало политической жизни независимой Грузии протекало очень непросто и было сопряжено с весьма высоким накалом политической борьбы, межэтническими конфликтами и фактически гражданской войной. Противостояние различных партий привело в 1992 г. к свержению первого президента независимой Грузии Звиада Гамсахурдия, который годом ранее был избран при очень высокой народной поддержке 86% голосов [13]. Вместо него главой республики стал бывший первый секретарь компартии Грузии и министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварнадзе. Приход опытного функционера и политика с опытом работы в правительстве СССР был

воспринят с надеждой в грузинском обществе после нескольких лет перманентного политического и военного противостояния между различными политическими группами республики. Неудивительно, что сначала он при широкой общественной поддержке стал председателем парламента республики, а после введения должности президента республики и проведения выборов в 1995 г. набрал высокие 73% голосов [2]. То есть уже на первом этапе становления политической системы Грузии мы можем наблюдать стремительную смену общественного восприятия лидеров страны от полной поддержки до свержения. В целом 90-е годы в политической и экономической жизни оцениваются как хаос и перманентный кризис: произвол чиновников, коррупция, неуправляемость регионов, нерешенные конфликты с двумя отколовшимися частями Грузии – Абхазией и Южной Осетией, сложности с автономией Аджарией. Не удивительно, что уровень доверия к режиму Шеварнадзе на рубеже XX–XXI вв. был очень низким.

В 2003 г. в Грузии впервые на территории бывшего Советского Союза была осуществлена «цветная» «революция роз», когда к власти вместо старой когорты советских руководителей пришла молодая команда оппозиционеров, получившая ранее образование на Западе и которая была максимально поддержана западными странами. Особенностью прихода к власти новой группы политиков является тот факт, что до самого последнего момента и Михаил Саакашвили, и его соратники – Нино Бурджанадзе, Давид Жвания – входили в команду прежнего президента, занимали высокие государственные посты, но в какой-то момент приняли решение перейти в оппозицию и выступить против своего патрона. Новое правительство Саакашвили пришло к власти на волне колоссальной народной поддержки. По итогам президентских выборов, состоявшихся через несколько недель после революции, молодой лидер вчерашней оппозиции набрал 95% голосов при явке 83% [15]. Таким образом, благодаря запросу грузинского общества на реформы и положительные изменения, данная ситуация дала новой властной команде полный карт-бланш на работу. И команда нового президента не заставила себя ждать.

Помимо масштабного геополитического разворота на интеграцию в евроатлантические структуры Грузия пережила настоящую кадровую революцию. За несколько лет после прихода к власти команда Саакашвили полностью перекроила как структуру, так и кадровый состав государственных структур. Так, только при реформе МВД уже в 2004 г. были уволены 75 тыс. чел. из 85 тыс. чел., а система госавтоинспекции и вовсе была расформирована с увольнением 26 тыс. сотрудников [10].

2012 г. стал вновь поворотным для современной истории Грузии и в целом для постсоветского пространства. Правившая с 2003 г. команда президента республики Михаила Саакашвили проиграла парламентские выборы оппозиционной партии «Грузинская мечта», возглавляемой одним из богатейших в республике бизнесменов Бидзиной Иванишвили, который ранее перешел в оппозицию к действующей власти. Оппозиционная партия набрала 54,97% голосов, в то время как «Единое национальное единство» получило лишь 40,43%. В итоге партия Иванишвили получила 85 мест в парламенте, в то время как правящая партия лишь 65 депутатских мандатов.

Несмотря на то, что транзит власти впервые в истории Грузии был осуществлен в соответствии с законом, через демократические процедуры, он привел к очередной кадровой революции. Правда, он был несколько растянут во времени, так как после конституционной реформы и трансформации Грузии из президентской в парламентскую республику Михаил Саакашвили несколько месяцев после поражения на выборах оставался главой государства. И только после окончания его полномочий «Единое национальное единство» и их союзники потеряли контроль над правительством и ключевыми постами в республике. Более того, ряд политиков со временем были осуждены и посажены в тюрьму, включая таких высокопоставленных чиновников, как премьер-министр Вану Мерабишвили. Сам Михаил Саакашвили был вынужден покинуть страну, так как против него был возбужден целый ряд уголовных дел [18].

Таким образом, подводя итоги данного раздела, можно сделать вывод, что грузинское общество как политическое целое едино и имеет четкую базу для идентификации. Сложные географические условия и территориальная раздельность общества в целом не сказываются на его политическом, ценностном единстве. Поэтому географическим детерменизмом сложно объяснить особенности неустойчивости политического лидерства в Грузии и факторов тотальной сменяемости политического руководства после каждого транзита власти.

Как отмечает Бека Чедия [19], особенностью политической жизни республики, которые отличают ее от соседей, является уникальное воспроизводство и восприятие харизматичных лидеров. В условиях потери субъектности и самостоятельного правления при нахождении под контролем сначала Российской империи, а затем СССР, в Грузии, тем не менее сохранился институт «отцов нации», воплощавших «мессианскую доктрину политического лидера», в противовес существовавшей сначала российской, а потом советской системе бюрократического лидерства. С распадом СССР Грузия получила возможность обретения подлинного суверенитета и соответственно реализации идей настоящего лидера, который будет обладать еще и всей полнотой политической власти. Но комплекс проблем, который необходимо было решать на практике в рамках выполнения миссии лидера, оказался настолько сложным, что ни харизматичный З. Гамсахурдия, ни опытный аппаратчик Э. Шеварнадзе не смогли совместить роль лидера и управленца, способного ответить на существующие системные вызовы, стоящие перед государством. Несколько другая ситуация сложилась с Михаилом Саакашвили и его партией, которым удалось за короткий промежуток времени совершить кардинальное реформирование государственного аппарата республики и показать блестящие результаты по борьбе с коррупцией, открытости. Вместе с тем, монополизация власти, нетолерантность и репрессии в отношении политических оппонентов, провал в решении вопроса реинтеграции мятежных республик в конечном итоге привели к поражению на выборах и потере власти в 2012 г.

Схожая модель прихода к власти всех президентов Грузии в период независимости на волне всеобщей поддержки, завышенных ожиданий и достаточно быстрое разочарование в политическом лидере говорят об очень неустойчивой политической легитимности, характерной для политической культуры республики. Характер и причины данного феномена должны стать предметом более глубокого исследования.

### **Киргизский неустойчивый баланс Севера и Юга**

Особенности внутрикиргизских политических отношений в исторической ретроспективе были продиктованы образом жизни и структурой общества, базировавшегося на родоплеменной основе [17]. Ввиду кочевого образа жизни и необходимости обеспечения пастбищ и воды для скота, отношения между родами, кланами носили в основном горизонтальное социальное измерение, когда старейшины решали распределение земель и водопоя между племенами, семьями, при этом в целом отсутствовала строгая вертикаль власти, свойственная централизованному государству. В таких условиях киргизскому обществу исторически и ментально была не характерна монополизация власти в руках одного лидера или в руках одной политической группы, а свойственна скорее совещательная [8; 20]. При этом, между разными кланами, родами, коалициями родов присутствовала и присутствует конкуренция. Некоторые исторические аспекты вхождения Киргизии в состав Российской империи в первой половине XIX в. предопределили и жесткое разделение республики на условный «Север» (Чуйская, Таласская, Нарынская, Иссык-Кульская области) и «Юг» (Баткенская, Джалал-Абадская и Ошская области). В этот период северная часть республики в условиях географической близости начала процесс вхождения в состав российского государства, в то время как южные племена, объединенные в Кокандское ханство, значительно дольше сохраняли свой суверенитет, политико-культурные особенности, а соответственно различие между

двумя составными частями киргизского общества именно в этот период заметно углубилось [3].

На первом этапе независимости политическая система Киргизии выстраивалась с опорой на институты и традиции, сформированные в советский период: глава государства, парламент, партийная система с доминированием одной правительственной партии. Первый президент Аскар Акаев, северянин, был избран в 1991 г. Несмотря на «просвещенность» первого главы независимой Киргизии (на пост президента Акаев пришел с должности главы академии наук страны), он бесспорно находился у власти вплоть до 2005 г., когда в ходе «тюльпановой революции» был свергнут.

Помимо проблем с коррупцией, монополизацией власти в руках семьи президента, одной из внутренних предпосылок для революции был конфликт по линии «Север-Юг» и недовольство части южной элиты соглашением Акаева с Китаем по передаче КНР спорного участка границы. В результате протестов южной оппозиции произошли так называемые Аксыйские события, когда в столкновении с полицией погибло несколько человек протестующих [4]. Не случайно, что к власти после свержения Акаева пришла группа оппозиционеров во главе с бывшим премьер-министром республики, южанином Курманбеком Бакиевым, который очень быстро переиграл своих соратников по революции и монополизировал всю полноту власти в стране в своих руках. Государственный аппарат республики также пережил кадровую революцию. Все ключевые должности на государственной службе и в крупном бизнесе перешли под контроль новой управленческой команды. Первой особенностью новой кадровой политики стало доминирование южан и нарушение баланса представительства во власти с северянами, второй – сосредоточение в руках семьи Бакиева контроля над государством, т.е. тотальная монополизация власти и основных финансовых потоков в государстве в руках одной семьи. Так, брат президента Жаныш Бакиев возглавил Службу Государственной Охраны, которая отвечает за безопасность высших чиновников, Жусуп возглавил Совет Джалал-Абадской области, Марат с 2005 г. стал послом КР в Германии. Сын Максим за время его правления стал самым богатым человеком в стране и возглавил Центральное агентство по развитию, инновациям и инвестициям (ЦАРИИ), которое должно было сосредоточить в своих руках ключевые государственные активы [4]. Таким образом, помимо нарушения баланса по линии представительства во власти элит Севера, наблюдался также и внутриюжный дисбаланс с монополизацией власти в руках семьи Бакиевых, что не могло не вызывать серьезное недовольство в политической элите республики.

Как итог, режим Бакиева и его семьи пробыл у власти всего пять лет. С началом очередного весеннего политического сезона в апреле 2010 г. в результате масштабных акций протеста и столкновений между оппозицией и органами правопорядка он и его семья бежали сначала в Джалал-Абадскую область на юге Киргизии в родовое село Бакиевых, а затем при посредничестве международных сил уже бывший президент был вынужден покинуть страну.

Чтобы не повторить неудачный сценарий узурпации власти в руках одного политика и его семьи и, как следствие возможного повторения революционного сценария, транзита власти, группа оппозиционеров, пришедшая к власти, договорилась о назначении президента переходного периода, который бы обеспечил баланс сил в стане пришедших к власти политиков на время проведения конституционной реформы и организации президентских выборов. Бывший министр иностранных дел Роза Отунбаева стала этой временной фигурой.

На состоявшихся в конце 2010 г. президентских выборах победителем стал выходец с Севера, уроженец Чуйской долины республики, Алмазбек Атамбаев. Он вступил во власть уже по новой конституции, согласно которой глава государства имеет право только на один семилетний президентский срок. Сделано это было намеренно для того, чтобы

любой пришедший к власти политик не смог перекрыть политический режим, слишком надолго остаться у власти и монополизировать контроль в своих руках.

В целом Атамбаев избежал ошибок своих предшественников за счет выстраивания альянсов с отдельными южными кланами и рекрутирования их на государственные посты, умело сохранял баланс Севера и Юга, а также активно вовлекал северные кланы в коалицию, тем самым стараясь за счет умелой игры на противовесе разных групп и кланов выстраивать устойчивую политическую систему. Несмотря на призывы пересмотреть основной закон и создать возможность для еще одного срока, Атамбаев отказался это делать и за несколько месяцев до очередных выборов в 2017 г. запустил преемнический сценарий.

В качестве своего сменщика киргизский президент выбрал действующего премьер-министра, южанина Сооронбая Жеенбекова. Транзит власти по сценарию «преемник» на первой стадии в целом был осуществлен достаточно успешно. Атамбаеву, несмотря на стартовый рейтинг доверия Жеенбекова на уровне 3%, за счет агрессивной агитационной кампании удалось добиться победы своего ставленника с результатом 56% голосов. Ценой такого успеха стало заметное ухудшение отношений с соседним Казахстаном, который поддержал оппонента провластного кандидата Омурбека Бабанова. После победы Жеенбекова сценарий «преемник» начал давать сбои. Между Атамбаевым и его протеже начались сначала трения, а затем публичные конфликты, которые в конечном итоге привели сначала к разрыву отношений, а затем полноценному противостоянию, закончившемуся лишением конституционной неприкосновенности Атамбаева и его силовым арестом и осуждением на 11 лет [6].

После устранения Атамбаева как важного противовеса с Севера республики, Жеенбеков начал выстраивать достаточно монопольный характер власти с опорой на южные кланы, что в среднесрочной перспективе создает риски для повторения революционного сценария.

Подводя итоги раздела, мы можем констатировать, что ключевой причиной нестабильности политической ситуации в республике, частой сменяемости властей и революционного кадрового изменения государственного аппарата при любом транзите власти является высокая потребность в сохранении баланса представительства разных частей киргизского общества, как по линии «Север-Юг», так и на внутриклановом уровне. В случае любого нарушения баланса, узурпации власти со стороны правящей группы происходит резкая девальвация легитимности власти – сначала на уровне региональных элит, а затем и на уровне населения.

### **Заключение**

Сравнительный анализ сменяемости власти в Грузии и Киргизии, несмотря на схожесть сценариев и последствий осуществленных транзитов, показывает, что причины для данного феномена имеют разную природу. Если в Грузии тотальная сменяемость обусловлена особенностями формирования политического лидерства и конкуренции между лидерами, то в Киргизии кадровая революция при каждой процедуре транзита власти связана с высокой фрагментацией кланово-родовой системы киргизского общества и стремлением находящейся у власти группы монополизировать контроль над процессом выработки политических решений.

Общей проблемной точкой для устойчивости в целом достаточно демократических в региональном измерении политических систем Киргизии и Грузии является легитимность. Она реализуется на практике в этих странах через разные механизмы и зависит от разных факторов: в Киргизии благодаря сохранению баланса между разными частями общества, в Грузии через открытость и условную «демократичность» лидера и его способности слышать и отвечать на запросы общества. При этом от степени легитимности лидера или степени поддержки и одобрения действий лидера на клановом, региональном,

общественном уровне в конечном итоге кардинальным образом зависит устойчивость власти.

### Литература

1. *Арендт Х.* Традиция и современность // Советское государство и право. – 1991. – №3. – С. 124–133.
2. Биография Эдуарда Шеварнадзе // РИА-Новости. 25.03.2013. URL: <https://ria.ru/20130125/919601057.html> (дата обращения: 20.08.2020).
3. *Бородин Е.* Клановый характер устройства киргизской республики // Мир и политика. – 2012. – №3. – С. 89–96.
4. *Болтонова А.* Политические кланы Кыргызстана: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – №3-4. – С. 59–72.
5. *Буренко В.И.* Консерватизм и традиционализм в политическом процессе современной России // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2014. – №7. – С. 17–20.
6. *Бушуев М.* 11 лет тюрьмы для экс-президента: как Атамбаев провалил операцию "Преемник" // DW. 25.06.2020. URL: <https://www.dw.com/ru/11-лет-тюрьмы-для-экс-президента-как-атамбаев-провалил-операцию-преемник/a-53941735> (дата обращения: 20.08.2020)
7. *Варданян Т.* Грузия: идентичность в политических программах и действиях // 21-й век. – 2010. – №3 (15). – С. 48–69.
8. *Жанакеева А.Т.* К историографии национально- государственного строительства в Кыргызстане // The Newman in Foreign policy. – 2018. – №44 (88). – С. 34–37.
9. История Грузии: В 3 т. / Гл. ред. Н.А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1962 – 1968.
10. Как реформировали МВД в Грузии и Эстонии // Коммерсантъ Власть. 16.04.2012. №15. – С. 28.
11. *Кирчанов М.* Основные направления развития грузинского национализма в условиях политической нестабильности между традициями политической нации и вызовами радикализации // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – №3. – С. 146–159.
12. *Комахия М.* Формирование этнической карты Грузии и современные миграционные процессы // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – №1 (55). – С. 179–185.
13. *Микаелян Г.* Внутренняя политика современной Грузии // 21-й век. – 2010. – №2 (14). – С. 57–68.
14. *Прокофьев А.В.* Институциональные факторы трансформации политических режимов Грузии, Киргизии и Украины (начало 2000-х годов) // ПОЛИТЭКС. – 2010. – №2. – С. 116–132.
15. Саакашвили станет президентом Грузии // РБК 5.01.2004. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2004/5703b5ca9a7947783a5a4f88> (дата обращения: 20.08.2020).
16. *Тархан-Моурави Г.* Политические партии в Грузии: затянувшееся становление // Политическая наука. – 2006. – №1. – С. 243–267.
17. *Токтосунова Э.С.* Особенности влияния геополитических и этнических факторов на политический процесс: Кыргызстан весна 2014 // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2014. – №171. – С. 159–163.
18. *Чедия Б.* Исторические выборы в Грузии: смена власти и формирование новой политической традиции // Центральная Азия и Кавказ. – 2012. – №4. – С. 67–79.
19. *Чедия Б.* Парадигма постсоветского политического лидерства в Грузии // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – №3. – С. 154–166.
20. *Шаболотов Т.Т.* Национальные особенности парламентаризма в Кыргызской Республике // Вестник ПАГС. – 2017. – №6. – С. 25–30.
21. *Федорченко С.Н.* Легитимность политического процесса и PR: актуальны ли советы Макиавелли? // Журнал политических исследований. – 2019. – Т. 3. – №3. – С. 22–45.



22. Яковлев А.Н. Легитимация политической власти: модели традиционные и инновационные // Власть. – 2011. – №6. – С. 72–76.

### References

1. Arendt X. Tradicija i sovremenost' [Tradition and modernity] *Sovetskoe gosudarstvo i parvo*. [Soviet state and law], - 1991, - I. 3, pp. 124-133.
2. Biography of Eduard Shevardnadze. RIA-Novosti. 25.03.2013. Available at: <https://ria.ru/20130125/919601057.html> (Accessed: 20.08.2020).
3. Borodin E. Klanovyy harakter ustrojstva kirgizskoj respubliki [Clan character of the structure of the Kyrgyz Republic]. *Mir I Politika* [World and Law]. 2012, I. 3, pp. 89-96.
4. Bolponova ASYL. Politicheskie klany Kyrgyzstana: istorija i sovremenost' [Political clans of Kyrgyzstan: history and modernity]. *Central'naja Azija i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2015, I. 3-4, pp. 59-72.
5. Burenko V.I. Konservativizm i tradicionalizm v politicheskom processe sovremennoj Rossii [Conservatism and traditionalism in the political process of modern Russia] *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija)* [Bulletin of the University (State University of management)]. 2014, I. 7, pp. 17-20.
6. Bushuev M. 11 let tjur'my dlja jeks-prezidenta: kak Atambaev provalil operaciju "Preemnik"/ [11 years in prison for the ex-President: how Atambayev failed the operation "Successor"] // DW. 25.06.2020. Available at: <https://www.dw.com/ru/11-лет-тюрьмы-для-экс-президента-как-атамбаев-провалил-операцию-преемник/a-53941735> (Accessed: 20.08.2020).
7. Tamara V. Gruzija: identichnost' v politicheskih programmah i dejstvii [Georgia: identity in political programs and action] *21-j vek*. [21st century]. 201, I. 3 (15), pp. 48-69.
8. Janikeeva A.T. K istoriografii nacional'no- gosudarstvennogo stroitel'stva v Kyrgyzstane [On the historiography of national-state construction in Kyrgyzstan] *The Newman in Foreign policy*. 2018, I. 44 (88), pp. 34-37.
9. Istorija Gruzii [History Of Georgia]: In 3 vols. / Ed. by N. A. Berdzenishvili. Tbilisi, 1962-1968.
10. Kak reformirovali MVD v Gruzii i Jestonii [How the Ministry of internal Affairs was reformed in Georgia and Estonia] /Zhurnal "Kommersant# Vlast" Kommersant [Vlast Magazine]. 16.04.2012, I. 15, p. 28.
11. Maxim K. Osnovnye napravlenija razvitija gruzinskogo nacionalizma v uslovijah politicheskoj nestabil'nosti mezhdru tradicijami politicheskoj nacji i vyzovami radikalizacii [The main directions of development of Georgian nationalism in the context of political instability between the traditions of a political nation and the challenges of radicalization] *Central Asia and the Caucasus*. 2010. No. 3.
12. Komakhia Mamuka. Formirovanie jetnicheskoj karty Gruzii i sovremennye migracionnye processy [Formation of the ethnic map of Georgia and modern migration processes] *Central'naja Azija i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2008, I. 1 (55), pp. 179-185.
13. Mikaelyan G. Vnutrennjaja politika sovremennoj Gruzii [Internal politics of modern Georgia] *21-j vek* [21st century]. 2010, I. 2 (14), pp. 57-68.
14. Prokofiev A.V. Institucional'nye faktory transformacii politicheskih rezhimov Gruzii, Kirgizii i Ukrainy (nachalo 2000-h godov) [Institutional factors of transformation of political regimes in Georgia, Kyrgyzstan, and Ukraine (early 2000s)] *POLITEX*. 2010, I. 2, pp. 116-132.
15. Saakashvili stanet prezidentom Gruzii [Saakashvili will become President of Georgia] // RBC 5.01.2004. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2004/5703b5ca9a7947783a5a4f88> (Accessed: 20.08.2020).
16. Tarkhan-Mouravi George. oliticheskie partii v Gruzii: zatjanuvsheesja stanovlenie [Political parties in Georgia: the protracted formation] *Politicheskaya nauka*. [Political science]. 2006, I. 1, pp. 243-267.

17. Toktosunova E.S. Osobnosti vlijanija geopoliticheskikh i jetnicheskikh faktorov na politicheskij process: Kyrgyzstan vesna 2014 [Features of the influence of geopolitical and ethnic factors on the political process: Kyrgyzstan spring 2014] *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. [Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen]. 2014, I. 171, pp. 159-163.
18. Chediya B. Istoricheskie vybory v Gruzii: smena vlasti i formirovanie novoj politicheskoy tradicii [Historical elections in Georgia: change of power and formation of a new political tradition] *Central'naja Azija i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2012, I. 4, pp. 67-79.
19. Chediya Beka. Paradigma postsovetskogo politicheskogo liderstva v Gruzii [Paradigm of post-Soviet political leadership in Georgia] *Central'naja Azija i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2014, I. 3, pp. 154-166.
20. Shabolotov T.T. Nacional'nye osobennosti parlamentarizma v Kyrgyzskoj Respublike [National features of parliamentarism in the Kyrgyz Republic] *Vestnik PAPS* [Vestnik PAPS]. 2017, I. 6, pp. 25-30.
21. Fedorchenko S.N. Legitimnost' politicheskogo processa i PR: aktual'ny li sovety Makiavelli [Legitimacy of the political process and PR: whether Machiavelli's advice is relevant] *Zhurnal politicheskikh Issledovanij* [Journal of Political Research]. 2019, V. 3, I. 3, pp. 22-45.
22. Yakovlev A.N. Legitimacija politicheskoy vlasti: modeli tradicionnyye i innovacionnyye [Legitimation of political power: traditional and innovative models] *Vlast* [Power]. 2011, I. 6, pp. 72-76.